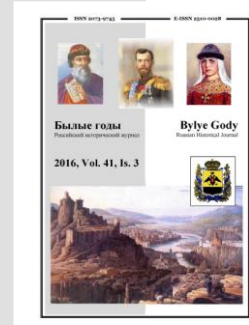

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41, Is. 3, pp. 734-743, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94 + 347.73

Public control of alcohol trade in Russia (1863–1894)

Natalia Ye. Goryushkina ^{a,*}, Igor B. Rusakov ^a

^a Southwest State University, Russian Federation

Abstract

The article considers the state initiatives aimed at the inclusion of public institutions in regulating the free turnover of alcohol, and the results of their application. The paper notes that the society, despite the government plans, failed to control alcohol trade and did not manage to neutralize the negative effects of alcohol liberalization. The continuing search for an optimal method of public administration of alcohol trade has led the legislators to establish provincial and district drinking authorities in the mid-1880s. On the basis of a wide range of archival sources, the authors show that drinking authorities of some provinces resorted to strict regulation of the number of drinking establishments, the others ignored the accepted rules. The authors have made a conclusion that the government failed to create an effective system of public control in the excise period. While changing to the official alcohol monopoly, temperance forces of society were being accumulated by funds caring of people's sobriety.

Keywords: alcohol reform, free alcohol turnover, alcohol trade, public control, village community assembly, City Duma, drinking authority, affirmative sentence.

1. Введение

«Великие реформы» Александра II – одна из центральных тем российской и зарубежной исторической науки. Однако винная реформа 1863 г. занимает в научной литературе весьма скромное место. Комплексного исследования преобразования до сего дня так и не было проведено, а при попутном повествовании отдельные его стороны оказались неосвещенными. К числу таковых относится проблема участия публичных институтов города и деревни в процессе регулирования свободного оборота алкоголя. Второстепенность упомянутой проблемы обманчива. Именно слабость механизма общественной защиты от «вольной» продажи питей стала «ахиллесовой пятой» акциза, предлогом для отказа от свободного оборота алкоголя в пользу казенной винной операции. В этой связи проблема организации общественного контроля оборота алкоголя важна для понимания существа реформы 1863 г. и «контрреформы» 1894 г.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковую базу статьи представляют неопубликованные документы из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Курской области.

2.2. Методологической базой – стали тесно взаимосвязанные между собой принципы историзма, объективности и системности, предоставившие возможность анализа событий в контексте конкретной исторической обстановки, во взаимосвязи и взаимообусловленности. Были использованы сравнительно-исторический и проблемно-хронологический подходы, которые позволили уяснить специфику общественного контроля оборота алкоголя в разные временные отрезки акцизной эпохи.

3. Обсуждение

* Corresponding author

E-mail addresses: goro46@yandex.ru (N.Ye. Goryushkina), rus-igo@mail.ru (I.B. Rusakov)

Несмотря на громадный объем историко-эмпирического материала об участии общественных институтов города и деревни в процессе регулирования свободного оборота алкоголя, его обобщения в системном виде до сего времени не последовало. Историография по проблеме отсутствует, хотя почва для ее постановки подготовлена. В исторической и отчасти юридической литературе последнего времени отражены социальные последствия винной реформы (Kragh, Hedlund, 2015: 373-376; Lemon, 2009: 201-218; Горюшкина, 2011: 7-13), объясняющие потребность в регулировании оборота питей, и способы контроля сельскими обществами (Богданов, 2008: 56-73), городскими думами (Храмцов, 2014: 36-42), питейными присутствиями (Быкова, 2007: 8-10) виноторговых операций на подведомственной территории.

4. Результаты

Не останавливаясь на создании органов акцизного управления, законодатель сделал попытку включить в систему контроля над оборотом алкоголя городские и сельские общества, земские органы местного самоуправления, частных лиц. Планировалось, что акцизные управления сосредоточат внимание на ограждении казенного интереса в винопромышленности и виноторговле, а публичные институты города и деревни – на охране общественного порядка и противодействии пьянству.

Открытие питейных заведений с распивочной продажей, принимаемой за наиболее опасный с нравственной точки зрения вид торговли, «Положением о питейном сборе» было поставлено в зависимость: а) в землях казачьих войск – от станичных сборов; б) в селениях колонистов, крестьян: государственных, удельных и других наименований – от мирских приговоров; в) на землях, находящихся в непосредственном ведении Министерства Государственных имуществ и Уделов, – от Палат государственных Имуществ и Удельных Контор; на землях, принадлежащих частным лицам, – от владельцев земель, и д) на землях, принадлежащих сельским обществам, – от сельских сходов (ПСЗРИ-II. Т. XXXIX. Ч. II. № 40833).

Российская общественность поддержала правительственное решение о включении общества в процесс регулирования питейной торговли. Особенно высоко этот шаг оценили либералы, разглядев в нем способ общественной защиты от негативных последствий алкоголя. «С уничтожением откупов и введением новой акцизной системы, – писал С.Т. Аксаков, – <...> законодательство предоставило самому обществу, через посредство общественных учреждений, возможность предохранения себя от чрезмерного развития потребления крепких напитков и контролирования благонадежности виноторговцев, которым общество могло разрешить или не разрешить производство питейной торговли» (А.Е., 1876: 66).

В сельской местности решение о разрешении (запрещении) питейной торговли стал принимать сельский сход одного или нескольких соседних сел (в зависимости от того, какая из этих общин официально признавалась обществом), куда собирались главы крестьянских хозяйств. Прошение об открытии «разливной» торговли зачитывал староста. Начиналось более или менее длительное обсуждение. Воззвания местных «горланов»: «Нет – кабаку!» – затихали, как только намечалось «угощение» от кабатчика. «Сельская община и волостные начальства, – вспоминал П.В. Березин, – тогда праздновали непрерывный праздник. Спаивания, угощения, взятки и подкупы крикунов на сходках разливались широкой волной» (Березин, 1900: 13). Угостившись, крестьяне соглашались «поставить» кабак и оформляли решение приговором.

Поднести сельскому обществу был обязан каждый кабатчик. Возможностей остановить угощения сельского схода государственные органы не имели. «Обход закона или его нарушение, – писал по этому поводу «Вестник Европы», – хранится в тайне; но в данном случае о тайне большею частью может быть речь разве только в смысле „полишинелевского секрета“» (Положение, 1881: 348). Мир требовал магарыч за разрешение, кабатчик угощал, но угощал не сразу, а ежемесячно, всякий раз требуя отвержения просьб конкурентов.

Департамент неокладных сборов был завален жалобами на немотивированный запрет питейной торговли сельскими обществами. Из Воронежской губернии писали, «крестьянские общества под действием „общественных коноводов“ давно злоупотребляют представленным им правом по выдаче разрешений на питейную торговлю» (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1145. Л. 1-4, 24, 35, 45, 52-108, 128-128 об., 147 об.-148 об., 243-246 об., 339-339 об.). Из Саратовской губернии доносили: «Сельские общества дают разрешения по незаявленным условиям». Из Симбирской губернии жаловались, «в ущерб питейного дохода» крестьяне объявили «устные торги» на питейные заведения. Из Пензенской губернии докладывали: «Волостные старшины и писаря взимают с виноторговцев плату за дозволение открыть питейное заведение», а «мировые посредники, несмотря на распоряжения начальника губернии, не обращают на это положительно никакого внимания». Из Рязанской губернии приходили известия о «сильном стеснении торговли вином и ропоте тех виноторговцев, которым отказано в выдаче разрешений» (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 144. Л. 1-16, 233).

Многочисленные жалобы не остановили правительство в намерении использовать защитный механизм общества от распространения питей. Закон 14 мая 1874 г. поставил в зависимость от мирских не только распивочную, но и выносную торговлю крепкими напитками (ПСЗРИ-II. Т XXXXIX. Ч. I. №5524).

Сельская администрация стала чаще понуждать крестьян к составлению запретительных приговоров. Акцизные управляющие Пензенской, Воронежской, Курской, Орловской губерний писали в столицу о том, что мировые посредники и волостные старшины склоняют крестьян к отказу от «пристанищ Бахуса». В некоторых местностях сельские жители даже не подозревают, что они отказались от питейного заведения – все необходимые бумаги, без их ведома, были подготовлены старостами и писарями под нажимом начальства (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 144. Л. 55-64, 128-128 об.).

Резкое сокращение официально открытых мест реализации алкоголя имело следствием увеличение беспатентной торговли (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 674. Л. 29 об.). В Богучарском уезде (Воронежская губерния), вместо 2 – 3 официальных кабаков, запрещенных сельскими обществами, стали действовать 10–15 мест тайной продажи питей (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 120). В Бузулукском, Бугурусланском и Николаевском уездах (Самарская губерния) закрылись все места раздробительной продажи питей, процветала беспатентная торговля (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 244). «Вышло таким образом, – сокрушался В.А. Лебедев, – что „куда ни кинь, все клин“. Всякая даже благая, по-видимому, мера оказывалась или не практичною, или просто не достигающею цели, или ведущею к новым ухищрениям со стороны заинтересованных лиц для парализования ея действий» (Лебедев, 1898: 33).

Право на открытие мест продажи питей, ясно изложенное в «Уставе о питейном сборе» относительно сельской местности и поместий, по общему принципу, стало применяться и для городов. Однако порядок открытия питейных заведений там не был определен. Только в 1-м примечании к ст. 310 устава говорилось, что «думы и заменяющие их учреждения, перед наступлением срока выдачи патентов, составляют ежегодно, с утверждения губернского правления, расписания о числе мест раздробительной продажи крепких напитков, которое может быть открыто в каждом городе в следующем году». В его новой редакции (1868 г.) право городских дум и заменяющих их учреждений было подтверждено (ПСЗРИ-II. Т. XXXXIII. Ч. I. № 46003). Расписание должно было составляться не иначе как по инструкции, утвержденной соглашением министра финансов с министром внутренних дел (Сборник статей, 1876: 25).

В течение 14 лет, прошедших со времени утверждения «Положения о питейном сборе», такая инструкция не была разработана. Потому расписания питейных заведений городскими думами не составлялись, а места продажи питей открывались в городах «в неопределенном количестве» (Катков, 1897: 653). Но с устройством городских дум по новому городскому положению упомянутое в «Уставе» примечание было извлечено из забвения. Городские думы взялись расписывать число и месторасположение питейных заведений. Согласно донесениям управляющих акцизными сборами, ситуация с расписаниями вышла из-под контроля. В одних городах, для противодействия пьянству, думы отвели под питейные заведения неудобные, безлюдные места, в других – вообще, запретили питейную продажу, в третьих – разрешили реализовывать пития исключительно на городской земле и в зданиях, принадлежащих городу, в четвертых – открыли, вместо заведений с распивочной продажей, трактирные заведения «в неограниченном количестве, но с обложением оных за устранение конкуренции возвышенным акцизом в пользу городских доходов», в пятых – предоставили лучшие места своим родственникам и друзьям (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 144. Л. 1-16).

Акцизные управления, ссылаясь на отсутствие указанной в питейном уставе инструкции, отвергали законность составленных городскими думами расписаний и оформляли патенты, не принимая их во внимание.

В то время был издан Закон 16 июня 1873 г., который разрешил: 1) ограничить число питейных заведений «определенной цифрою»; 2) определять условия их размещения, внутреннего устройства, порядка торговли; 3) удостоверить нравственную благонадежность лиц, желающих вести питейную торговлю; 4) сдавать с торгов право устройства питейных разрядов, т.е. кабаков. Но эти правила были установлены, в виде опыта, на 3 года, только в Санкт-Петербурге. Закон 26 января 1874 г. распространил их, тоже в виде опыта, на Москву, Одессу и Петербургскую губернию (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1596. Л. 33 об.; Д. 1598. Л. 7).

Городские думы других великороссийских городов, копируя опыт столиц, тоже организовали торги на питейные заведения, в основном – на городской земле и в зданиях, принадлежащих городу. Министерство финансов сочло подобного рода действия самоуправством. Циркуляр министра финансов от 4 октября 1875 г.: «О невыдаче патентов на питейную продажу в городах, в коих продажа сия предоставлена думами исключительно на городских землях» запретил акцизным управлениям выдавать патенты на питейную продажу в тех городах, где питейная продажа была организована на городских землях, и где думы без видимых причин ограничили число питейных заведений (Катков, 1897: 654-655).

Еще до выхода циркуляра министра финансов, ряд городских дум обжаловал в Правительствующий сенат действия акцизных управлений, оформивших патенты вопреки их постановлениям. Решение Сената было оглашено циркуляром министра внутренних дел от 23 октября 1875 г., согласно которому за городскими общественными управлениями было признано право разрешать открытие питейных заведений по своему усмотрению. Более того, им дано разрешение: «1) определять в черте города местности, где питейная раздробительная продажа не могла быть допущена; 2) ограничивать число питейных заведений; 3) открывать питейную торговлю

на землях, принадлежащих собственно городу, и отказывать частным лицам в производстве подобного рода торговли на местах, составляющих их частную собственность». В последнем случае, однако, плата в пользу города должна была взиматься только за пользование местом или помещением, принадлежащим городу и уступленном частному лицу, но отнюдь не за право производства во взятых от города помещениях питейной торговли (Катков, 1897: 655).

Циркуляры министров финансов и внутренних дел противоречили друг другу. Акцизные управления руководствовались циркуляром министра финансов, городские думы и губернские по городским делам присутствия – циркуляром министра внутренних дел.

В 1875–1876 гг., в виду разногласий между министерствами, число официально открытых питейных заведений пошло на спад. Так, в г. Коломне (Московская губерния), городская дума постановила открыть 8, вместо прежних 40, мест продажи питей, ренсковых погреба с распивочной продажей не открылись вовсе, городской акциз на трактиры был увеличен с 195 руб. до 600 руб. В г. Перми численность мест продажи питей сократилась со 100 до 25. Открыты они были исключительно на городской земле, в городских зданиях с торгов. В г. Новгороде приступили к работе только 14 питейных заведений в нанятых от города помещениях на городской земле. Те же процессы проходили в большей части городов Архангельской, Орловской, Тамбовской, Симбирской, Саратовской губерний. В г. Самаре, при отдаче питейных заведений с торгов по 2 тыс. руб., дополнительный акциз с трактиров был определен в 600 руб. В г. Ардатове (Симбирская губерния), вместо 26, открылось 4 заведения, на трактиры был наложен дополнительно акциз в 4 тыс. руб. В городах Самарской губернии – Бутуруслане, Ставрополе, Сергееве – цена питейного заведения составила от 500 руб. до 1 тыс. руб., Петербургской губернии – от 100 руб. до 2,5 тыс. руб., в г. Санкт-Петербурге – от 600 руб. до 3 тыс. руб., в г. Москве – от 1 тыс. руб. до 3 тыс. руб. (А.Е., 1876: 85-86, 89).

В то время опробованные в г. Санкт-Петербурге особые правила питейной продажи показали благоприятный результат: распространилось потребление пива, сократилось число лиц, задержанных полицией за пьянство, снизилось число случаев нарушения общественного порядка, усовершенствовалось устройство питейных заведений, они стали чище и аккуратнее. Но в г. Москве итоги применения особых правил оказались не столь впечатляющими. Число официальных питейных заведений сократилось с 954 до 240, кабаки исчезли с главных московских улиц, но беспатентная торговля выросла, ренсковые погреба, дешевые трактиры, портерные лавки стали вести круглосуточную распивочную продажу, фруктовые лавки взялись за продажу водки под названием «особый уксус», а галантерейные магазины – «народный одеколон» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 287). Появилась развозная питейная торговля. «Какой-то торговец, – рассказывал А.Н. Аксаков, – устроил подвижной кабак и, усевшись с бочонком вина в извозничью карету, стал разъезжать по улицам и площадям города, останавливаясь на людных местах и приглашая посетителей в свою карету» (А.Е., 1876: 90). О несостоятельности нового порядка питейной торговли заявила и Одесса. Торги на право открытия питейных заведений привели к спекуляции, участились случаи «переторжищ», места продажи питей скупили, в основном, евреи, которые действовали через подставных лиц и были искусны по части разного рода питейных злоупотреблений. В Санкт-Петербургской губернии «нравственных целей», преследуемых особыми правилами, тоже не удалось достичь. Стачки виноторговцев не дали возможности определить действительную доходность заведений, а беспатентная торговля, редкая прежде, стала правилом (РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 94. Л. 125).

Закон 1 января 1876 г. утвердил право городских дум и заменяющих их учреждений на составление ежегодного расписания о числе мест раздробительной продажи крепких напитков. Силу оно приобретало после утверждения губернским по городским делам присутствием. Закон в очередной раз запретил учреждениям, обществам и лицам, от которых зависело разрешение на питейную торговлю, получать за то прямую или косвенную плату (ПСЗРИ-II. Т. LI. Ч. I. №55458).

Несмотря на запреты, разрешительное право по-прежнему «продавалось» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 288 об.). Целые волости и даже уезды без труда попадали в руки состоятельных торговцев (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1596. Л. 16, 20). К примеру, в Астраханской губернии плата за питейные заведения колебалась от 50 руб. до 3 тыс. руб., в Саратовской и – от 50 руб. до 16 тыс. руб., в столицах стоимость разрешения поднималась до 40 тыс. руб. В 1884 г. только в Самарской губернии владельцы питейных заведений уплатили за право торговли около 1 млн руб., в то время как патентный сбор едва не превышал 382 тыс. При этом, только незначительная часть уплаченных виноторговцами денег действительно поступала на «благие дела», большая их часть пропивалась или растрачивалась начальством. В книгу сборов эти доходы, будучи незаконными, не заносились и потому сколько-нибудь правильному контролю не подлежали (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1107. Л. 17).

Правительственный взгляд на степень государственного контроля в деревне клонился в сторону признания необходимости жесткой опеки. Изменить положение дел должен был Закон 14 мая 1885 г. Открытие заведений для раздробительной продажи крепких напитков в городах он поставил в зависимость от решений городских дум (кроме торговли на вынос и производства питейной продажи в трактирных заведениях, где разрешения не требовалось), вне городских поселений – от уездных и губернских по питейным делам присутствий (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 35; Ф. 730. Оп. 1. Д. 1599. Л. 6 об.; РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 203. Л. 19 об.)

Уездные присутствия образовывались, под председательством предводителя дворянства, в составе председателя (или члена) уездной земской управы, члена окружного суда (или мирового судьи), неперменного члена уездного по крестьянским делам присутствия, уездного исправника (или его помощника), акцизного чиновника. В состав губернского присутствия, где председательствовал губернатор, входили вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, прокурор (или его товарищ), управляющие казенной палатой и акцизными сборами, председатель (или член) губернской земской управы, городской голова губернского города (или член) городской управы (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 14-14 об.; 26-26 об.).

Земства были привлечены к работе питейных присутствий потому, что являлись органами местного хозяйственного управления и могли дать «полезные указания» относительно организации виноторговли. Наличие представителей судебного ведомства объяснялось рассмотрением мировыми судами дел по нарушению питейного устава. Представительство уездного исправника вытекало из задач, которые стояли перед полицейскими органами в деле охраны нравственности и порядка. Фискальные интересы в присутствии защищал представитель акцизного окружного управления. Участие в питейном присутствии члена по крестьянским делам присутствия было следствием того, что крестьянство было главнейшим потребителем крепких напитков и, следовательно, в отношении его больше, чем в отношении других сословий, имели значение финансовые, полицейские, нравственные и другие цели, преследуемые питейными присутствиями. Включение в состав губернского присутствия головы губернского города объяснялось тем обстоятельством, что губернное присутствие выступало высшей инстанцией при рассмотрении дел, связанных с оборотом питей, в том числе и для городских дум (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 4 об.-8 об., 21 а-21 а об.).

Общее руководство деятельностью губернских и уездных присутствий возлагалось на министра финансов, который действовал по соглашению с министром внутренних дел, а в отдельных случаях – с военным министром. Жалобы на присутствия было указано отправлять в Правительствующий сенат по I департаменту (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 120).

Уездным присутствиям предоставлялось право: 1) назначать число мест продажи крепких напитков в соответствии с имеющейся в них потребностью, но не в ущерб интересам народной нравственности (1 винная лавка предполагалась на 500 душ, 1 ведерная лавка – на 3 винные); 2) избирать, по своему усмотрению, виноторговцев и приказчиков, не допуская к виноторговле лиц, находящиеся под судом и следствием, прочих лиц предосудительного поведения, а также должностных лиц волостных и сельских управлений, церковных старост; 3) следить, чтобы стеснения питейной торговли не порождали корчемства и монополии (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 289). Уездные присутствия определяли цену патентов на подведомственной им территории, закрывали в случае необходимости питейные заведения административным порядком, наблюдали за «чистой и опрятностью» в питейных заведениях, «верностью» торговли (Питейный вопрос, 1885: 1124). Однако они были лишены права запрета питейной торговли «в трактирных заведениях, а также постоянных дворах или корчмах в селениях, имеющих не менее 5000 наличных душ обою пола, а в селениях с меньшим населением – во всех базарных, торговых, промышленных и фабричных селах, а также при станциях железных дорог, у пристаней и перевозов больших рек, на проезжих трактах и вообще в местах значительного скопления или проезда посторонних людей (ст. 54).

Компетенции губернских присутствий исчерпывались: 1) наблюдением за правильным и однообразным применением требований питейного устава в городских поселениях городскими думами, а вне городских поселений – уездными по питейным делам присутствиями; 2) рассмотрением жалоб, подаваемых на постановления названных учреждений и 3) утверждением в отдельных случаях их постановлений (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 11, 29 об.).

Торговля крепкими напитками в селениях, где проживало более 5000 наличных душ обою пола, было изъято и из усмотрения сельских обществ, запретить питейную торговлю «в трактирных заведениях, постоянных дворах и корчмах такого рода селений было невозможно. Общества «малых» селений получили право ходатайства перед питейными присутствиями о воспрещении производства питейной торговли на 3 года (Сведения, 1885: 55-56). Отказать в удовлетворении ходатайства присутствия могли, если: 1) в селении проживало более 500 душ; 2) селение подходило к типу торговых, фабричных, промышленных и т.п.; 3) ходатайство было вызвано не стремлением противодействовать пьянству, а «каким-либо побочным соображением» (Внутреннее обозрение, 1886: 827). Последний пункт оснований для отказа был весьма «расплывчатым» и давал основания для произвола.

Сельские общества встретили Закон 14 мая 1885 г. «недружелюбно». Но не вероятность «водвориться» продаже питей против их воли заботила селян, а отнятая у них возможность получать «магарыч» с виноторговцев, вошедшая в привычку, несмотря на все запреты.

Питейные присутствия воспользовались предоставленной им властью произвольно (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 289). Некоторые из них, одержимые идеей отрезвления, не видели разумных границ в принятии решений. Типичен был случай, произошедший в Курской губернии. Присутствия трех уездов (Курского, Щигровского и Корочанского) при распределении местностей на разряды (при семиразрядной градации) причислили свои местности к 3 высшим разрядам (от разряда местности зависела величина патентного сбора). В результате действий присутствий стоимость патентов в

селениях с 14 – 46 жителями поднялась до 1100 рублей (ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 285. Л. 89). Для урегулирования возникшего недоразумения губернатор И.А. Звягинцев пригласил на заседание губернского питейного присутствия уездных предводителей дворянства и председателей земских управ, желая убедить «трезвенников» прислушаться к мнению большинства. Но председатель Курского уездного по питейным делам присутствия Н.П. Анненков смог убедить членов губернского присутствия в необходимости повысить разряды во всей Курской губернии, и решением губернского по питейным делам присутствия от 2 ноября 1885 г. все местности губернии были отнесены к высшим разрядам. Продажа алкоголя «в разлив» в 1886 г. стала вестись только в 34 селениях (ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 232. Л. 7). В некоторых уездах губернии целые волости с населением в несколько десятков тысяч душ на пространстве в несколько десятков верст остались без заведений с раздробительной продажей. Кроме того, повысившиеся разряды привели к росту размера штрафа за торговлю без патента, что, в свою очередь, повлекло за собой изменение подсудности дел. Добровольно платить огромные штрафы никто не хотел, и окружные суды были завалены делами по питейной части (ГАКО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 9. Л. 131 об.-132; РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 203. Л. 19 об.). Подобная ситуация была характерна для Самарской губернии, Ставрополя (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 67-70).

Первые результаты применения Закона 14 мая 1885 г., когда правом запрета воспользовались и сельские общества, и частные лица, и питейные присутствия, привели к резкому падению численности мест продажи питей, что, в свою очередь, грозило казне недобором.

Таблица 1. Численность запрещенных к открытию питейных заведений в 1885/1886 гг.

Губернии	Число селений, где питейные заведения запрещены сельскими общ.-ми и частными лицами	Число селений, где питейные заведения запрещены присутствиями	Число селений, оставшихся без питейной торговли	Число приговоров сел. обществ и частных лиц, которые присутствия не утвердили	Число питейных заведений, разрешенных к содержанию сельскими обществами
Московская	2635	-	2635	382	11
Калужская	223	451	674	53	16
Пензенская	144	403	547	102	86
Рязанская	906	713	1617	115	8
Смоленская	1041	34	1075	98	43
Тамбовская	493	950	1443	171	33
Тверская	1030	732	1762	273	10
Тульская	1163	-	1163	326	6
Ярославская	501	102	603	243	10
Вятская	2349	2369	4718	670	7
Курская	380	210	590	247	50
С-Петербургская	368	57	425	219	10
Нижегородская	791	17	808	128	16
Астраханская	25	-	25	27	39
Владимирская	320	17	337	176	11
Воронежская	119	452	571	383	10
Казанская	929	730	1659	144	10
Костромская	113	-	113	20	11
Орловская	948	120	1068	364	40
Саратовская	721	251	972	207	203
Уфимская	486	68	551	142	42

Наибольшее число запретительных приговоров было вынесено в Московской (2635) и Вятской (4718) губерниях. Более 1000 селений Смоленской, Тверской, Тульской губерний остались без питейной торговли. В Московской, Костромской, Астраханской, Тульской губерниях присутствия не запретили ни одного питейного заведения, все запреты были произведены сельскими обществами. Наряду с тем, в Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Калужской губерниях присутствия пресекли питейную торговлю в значительном числе селений, действуя в обход решений сельских сходов. Существенно сократилось число питейных заведений в Орловской, Ярославской, Казанской, Рязанской губерниях. В меньшей мере этот процесс затронул Костромскую и Астраханскую губернии. Вятская губерния «выделилась» из всей Империи: частными лицами, сельскими обществами и

питейными присутствиями были запрещены к открытию 4718 питейных заведений ([Внутреннее обозрение, 1886: 826](#)).

Сокращение числа официально открытых питейных заведений, имело неблагоприятные последствия. Во-первых, государственная казна потеряла часть питейного сбора. Во-вторых, усилилась монополия в виноторговле. К примеру, в Вятской губернии из 1653 «всякого рода» питейных заведений 1174 оказались в собственности 41 лица (на одного хозяина в среднем приходилось 29 питейных заведений), а купец первой гильдии И.В. Александров владел сразу 235 питейными заведениями (и 3 винокурными заводами) ([ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 109](#)). В-третьих, «расцвела» беспатентная торговля. «Каждая квартира – кабак. В стенах, под полом, в толстых ножках столов – везде были склады вина, разбавленного водой, для своих ночлежников и для их гостей <...> Подходят кому надо к окну, стучат. Открывается форточка. Из-за занавесочки высовывается рука ладонью вверх. Приходящий кладет молча в руку полтинник. Рука исчезает и через минуту появляется снова с бутылкой <...> Одно дело – слов никаких», – так описывал ночную Москву той поры В.А. Гиляровский ([Гиляровский, 1956: 31](#)). В-четвертых, в употребление вошли технические жидкости. Из-за резкого сокращения мест продажи питей в уездах, расположенных по нижнему течению Урала, население стало пить одеколон. Галантерейщики в недоумении сообщали: «В небольшом городе Гурьеве расходится одеколону до 2000 дюжин скляночек на сумму около 20000 рублей, в Уральске на 15000 руб.» ([ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 287](#)).

Десятские, сотские, сельские старосты, волостные старшины, урядники, становые приставы, призванные навести порядок, «пользуя повсюду даровое угощение», попустительствовали нарушениям питейного законодательства. Более последовательными в исполнении решений присутствий были акцизные чиновники. Они выполняли весь объем подготовительной работы к заседаниям присутствий, с них спрашивали сведения разного порядка во время заседаний и т.д. Но в деле борьбы с беспатентной торговлей или с потреблением технических жидкостей, акцизные чиновники проявляли активность только в тех случаях, когда вопрос затрагивал интересы казны, но отнюдь не нравственности населения ([Бородин, 1910: 74-75](#)).

Циркуляр №186 от 28 сентября 1885 г. удостоверял право присутствий не только ограничивать, но и запрещать питейную торговлю «по собственному усмотрению». Но «бесконечно-разнообразная» деятельность присутствий, имевшая негативные последствия, вынудила Министерство финансов ограничить их права. Циркуляром № 263 от 23 декабря 1885 г. было «разъяснено», что остаться в силе должны только те запрещения, в основании которых лежали общественные приговоры или просьбы частных лиц ([Внутреннее обозрение, 1886: 825](#)). Таким образом, питейные присутствия были лишены права на запрет питейной торговли в обход просьб обществ и частных лиц. Если бы оно сохранилось, Министерство финансов, спустя время, получило бы возможность судить о том, какое значение имели запреты, желательны ли они, и в какой мере их следовало сохранить на будущее. Но первые результаты деятельности присутствий, простиравшиеся от совершенного невмешательства до полной регламентации, а порой произвола, были столь неудовлетворительны, а угроза государственному бюджету столь реальна, что Министерство финансов не стало ждать и «обезоружило» присутственные учреждения, поставив их в зависимость от просьб обществ или частных лиц ([Внутреннее обозрение, 1886: 827](#)).

Сельским же обществам, напротив, Законом 5 мая 1892 г. было возвращено разрешительное право на распивочную продажу ([Сведения, 1885: 56](#)). Более того, за согласие на производство питейной продажи сельские общества теперь могли получать деньги, которые фиксировались, включались в мирские доходы и направлялись на уплату недоимок и разные общественные нужды (приобретение земли, строительство церквей, школ, запасных хлебных магазинов, приобретение пожарных инструментов, исправление дорог, презрение членов общества и т.п.) ([ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 403. Л. 64](#)).

Однако расширение самостоятельности сельских обществ было видимостью. После учреждения по Закону 12 июля 1889 г. института земских начальников сельские общества были поставлены под их жесткий контроль ([Настольная книга, 1894: 136](#)). И выдача согласий на производство питейной торговли, и расходование сумм, получаемых за допущение устройства питейных заведений, осуществлялись только с разрешения земского начальника ([ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 337. Л. 32-32 об.](#)).

По сведениям, собранным акцизными чиновниками, «понуждение к трезвости» со стороны земских начальников приобрело массовый характер. Инициатива крестьян в отношении питейной торговли была сведена на нет. Запретительные приговоры писались в волостных правлениях по единому «формуляру». В Курское губернское акцизное управление шли донесения о том, что в Новооскольском уезде все запретительные приговоры составлены «на отпечатанных бланках „Киевской типографии Д.С. Повальского“» без ведома крестьян ([ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 232. Л. 7](#)). Земские начальники «готовили» крестьян к нужному решению на сходе, распространяя «неизвестно откуда взятую молву, что в той деревне, где будет разрешена торговля, начальники не выдадут на посев и продовольствие купленного земством хлеба» ([ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 361. Л. 7](#)). На сельском сходе зачитывались уже составленные запретительные приговоры и, если слышался голос о желании разрешить питейную продажу, «следовал грозный вопрос: „Кто желает кабака, поди сюда!“ Дело заканчивалось молчанием и постановлением единогласного приговора» ([ГАКО. Ф. 37. Оп. 1.](#)

Д. 561. Л. 7-7 об.). Волостные власти под давлением земских начальников выступали против питейной торговли. В д. Амосово Курского уезда, по сообщению акцизного чиновника, староста, выразивший мнение, что запретительные приговоры усилят беспатентную торговлю, был посажен под арест (ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 561. Л. 17). В Курском уезде, по донесению окружного надзирателя, было составлено 15 запретительных приговоров, написанных одним почерком и в одной редакции. В с. Брусовом Фатежского уезда «общество признало бесполезность приговора, действовавшего прошлое трехлетие. Решив не составлять подобного на будущее, оно взяло с изъявивших желание вести торговлю договора на дозволение торговать. Однако прибывший на сход старшина вынудил вновь составить запрет». В с. Здобниково Фатежского уезда, где жители не послушались увещаний старосты, на сход прибыл земский начальник и заставил отказаться от уже принятого разрешительного приговора (ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 561. Л. 15-15 об.).

Под влиянием сельских начальников в 1889–1891 гг. в России было составлено 24299 запретительных приговоров, а в трехлетие 1892–1894 гг. – 39881 (на 64 % больше) (Коровин, 1900: 6). Выросли суммы, взимаемые сельскими обществами за разрешительный приговор. Лучшие места, как и следовало ожидать, перешли в руки состоятельных торговцев. Только в небольших селениях, где прибыль была невысокой, торговлю вели мелкие предприниматели (ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 474. Л. 420-422). Вместе с тем, иллюзии, что сократив число мест реализации алкоголя, можно покончить с пьянством, таяли на глазах. Большинство заседателей, а в состав питейных присутствий были включены и земские начальники, с энтузиазмом приступивших к работе, осознали малую результативность запретительных мер. Оставленные Министерством финансов «без оружия», они потеряли первоначальный запал, и, имея другие важные должности, стали относиться к работе в питейных присутствиях, как к дополнительной обузе. Месяц за месяцем число заседаний сокращалось из-за неявки членов питейных присутствий (ГАКО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 19. Л. 2-4 об.).

При переходе к казенной винной монополии на смену питейным присутствиям пришли попечительства о народной трезвости – губернские и уездные. Губернский попечительский комитет составляли непременные члены (руководители местного административного аппарата во главе с губернатором), почетные члены (известные и уважаемые в губернии люди) и члены-соревнователи – наиболее инициативные в антиалкогольной борьбе члены местного общества. В уездных комитетах председательствовали предводители дворянства. Казна ежегодно отпускала попечительствам суммы в расчете 50 тыс. руб. на губернию с распределением этих средств между уездами в соответствии с численностью их жителей (РГИА. Ф. 574. Оп. 9. Д. 30. Л. 52).

5. Заключение

Алкольная политика, удовлетворявшая фискальные запросы государства, несла вред народной нравственности. Государство попыталось привлечь публичные институты города и деревни к администрированию свободного оборота алкоголя на подконтрольной им территории. Однако решения обществ были пристрастны и зависели от сумм, полученных в виде взяток или «магарыча» от претендентов на питейный дом. Поворотным моментом в деле общественного регулирования виноторговли стало учреждение губернских и уездных по питейным делам присутствий. Однако половинчатость законодательных норм, узость представленных присутствиям прав, занятость членов присутствий на основной службе определили пределы достижения результатов. Деятельность присутствий на пространстве огромной России простиралась от полной регламентации до совершенного невмешательства в процесс регулирования свободным оборотом алкоголя. Таким образом, система общественного контроля в акцизный период была признана неэффективной, что стало одним из поводов замены акцизной системы винной монополией. Отрезвить народ в новой ситуации были призваны пришедшие на смену питейным присутствиям попечительства о народной трезвости.

Литература

- А.Е., 1876 – А.Е. Питейное дело и кабацкий вопрос в России // Вестник Европы. 1876. Июль. Ч. 1. С. 65-94.
- Березин, 1900 – Березин П.В. На службе злему делу (Хроника из жизни на винокуренных заводах). М., 1900. 156 с.
- Богданов, 2008 – Богданов С.В. Государство в борьбе за трезвое общество в начале 1880-х – начале 1890-х гг. // Вестник ТвГУ. Сер. История. 2008. Вып. 2. С. 56-73.
- Бородин, 1910 – Бородин Д.Н. Кабак и его прошлое. СПб.: Санкт-Петербургская коммерческая Типо-Литография Виленчик, 1910. 102 с.
- Быкова, 2007 – Быкова А.Г. Присутствия по питейным делам в системе местного аппарата управления производством и реализации алкогольной продукции в Российской Империи в 1885–1894 гг. // Международные юридические чтения ежегодная научно-практическая конференция: материалы и доклады. Омск, 2007. С. 8-10.
- Внутреннее обозрение, 1886 – Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Г. 21. 1886. Т. 2. Кн. 4. Апрель. С. 824-845.

ПСЗРИ-II – Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]: [В 55-ти т. с указ.]. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830-1885.

ГАКО – Государственный архив Курской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

Гиляровский, 1956 – *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М.: Издательство: Московский рабочий, 1956. 400 с.

Горюшкина, 2011 – *Горюшкина Н.Е.* Пьянство и борьба с ним в эпоху винного акциза (1863–1894 гг.) // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* 2011. № 143. С. 7-13.

Катков, 1897 – *Катков М.Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1875 год. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. 702 с.

Коровин, 1899 – *Коровин А.М.* Движение трезвости в России (Доклад Комиссии по вопросу об алкоголизме 8 декабря 1899 г.). СПб., 1900. 32 с.

Kragh, Hedlund, 2015 – *Kragh M., Hedlund S.* Researching Soviet Archives: An Introduction // *The Russian Review.* 2015. Т. 34. № 3. С. 373-376.

Лебедев, 1898 – *Лебедев В.А.* Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898. 106 с.

Lemon, 2009 – *Lemon A.* The emotional Lives of Moscow Things. *Russian History.* 2009. Т. 36. № 2. С. 201-218.

Настольная книга, 1894 – Настольная книга земского начальника и волостного правления. Сост. Н.Г. Яновский. Ромны: Тип. Бр. Э. и Н. Дельберг, 1894. 140 с.

Питейный вопрос, 1885 – Питейный вопрос // *Русский Вестник.* Т. 180. 1885. Ноябрь /Декабрь. С. 1114-1130.

Положение, 1881 – Положение нашей питейной торговли; необходимость коренной перемены в ее устройстве // *Вестник Европы.* Г. 16 .1881. Т. 5. Кн. 9/10. Сентябрь/ Октябрь. С. 348-353.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сборник статей, 1876 – Сборник статей закона и правительственных распоряжений, касающихся наблюдения полиции за исполнением правил питейной торговли / Под ред. Быкова Н.П. Калуга: тип. Губ. правл., 1876. 97 с.

Сведения, 1885 – Сведения об открытии питейных заведений питейными присутствиями и сельскими обществами на 1885/1886 гг. // *Вестник финансов, промышленности и торговли.* 1885. Декабрь. С. 42-56.

Храмцов, 2014 – *Храмцов А.Б.* Городские власти и полиция Тобольской губернии в деле организации местной торговли в конце XIX – начале XX века // *Вестник Нижневартковского государственного университета.* 2014. №4. С. 36-42.

References

A.E., 1876 – *A.E.* Piteinoe delo i kabatskii vopros v Rossii [Drinking issue and public house problem in Russia], *Bulletin of Europe // Vestnik Evropy.* 1876. Iyul'. Ch. 1. pp. 65-94. [in Russian]

Berezin, 1900 – *Berezin P. V.* Na sluzhbe zlomu delu (Khronika iz zhizni na vinokurennykh zavodakh). [Servicing the cause of evil (Chronicles from the life of distilleries)]. М., 1900. 156 p. [in Russian]

Bogdanov, 2008 – *Bogdanov S.V.* Gosudarstvo v bor'be za trezvoe obshchestvo v nachale 1880-kh – nachale 1890-kh gg. [The State in the struggle for a sober society in the early 1880s – early 1890s], *Bulletin of TvGU, History.* Issue 2 // *Vestnik TvGU. Ser. Istoriya.* 2008. Vyp. 2. pp. 56-73. [in Russian]

Borodin, 1910 – *Borodin D.N.* Kabak i ego proshloe. [Public house and its past]. SPb.: Sankt-Peterburgskaya kommercheskaya Tipo-Litografiya Vilenchik, 1910. 102 p. [in Russian]

Bykova, 2007 – *Bykova A.G.* Prisutstviya po piteinyim delam v sisteme mestnogo apparata upravleniya proizvodstvom i realizatsii alkogol'noi produktsii v Rossiiskoi Imperii v 1885 – 1894 gg. [Authorities in drinking matters in the local administration of production management and sale of alcoholic beverages in the Russian Empire in 1885–1894], // *Mezhdunarodnye yuridicheskie chteniya ezhegodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: materialy i doklady.* Omsk, 2007. pp. 8-10. [in Russian]

Vnutrennee obozrenie, 1886 – Vnutrennee obozrenie [Domestic review], *Bulletin of Europe // Vestnik Evropy.* Г. 21. 1886. Т. 2. Кн. 4. April'. pp. 824-845. [in Russian]

PSZ RI – Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii: Sobranie vtroe: [S 12 dekabrya 1825 goda po 28 fevralja 1881 goda]: [V 55-ti t. s ukaz.]. SPb. : Tip. 2-go Otdelenija Sobstv. E.I.V. Kanceljarii, 1830-1885 [in Russian]

ГАКО – Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti [in Russian]

ГАРФ – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [in Russian]

Giylarovskii, 1956 – *Giylarovskii V.A.* Moskva i moskvichi. Ocherki staromoskovskogo byta. [Moscow and Muscovites. Stories of old Moscow way of life], М.: Izdatel'stvo: Moskovskii rabochii, 1956. 400 p. [in Russian]

Gorjushkina, 2011 – *Gorjushkina N.E.* P'janstvo i bor'ba s nim v jepohu vinnogo akciza (1863-1894 gg.) [Drunkenness and Struggle against it during an epoch of the wine excise (1863 – 1894)] // *Izvestija*

Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2011. № 143. pp. 7-13. [in Russian]

[Katkov, 1897](#) – *Katkov M.N.* Sbranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei. [The collection of leading articles of Moscow Gazette 1875] 1875 god. M.: Izdanie S.P. Katkovo, 1897. 702 p. [in Russian]

[Korovin, 1900](#) – *Korovin A.M.* Dvizhenie trezvosti v Rossii (Doklad Komissii po voprosu ob alkogolizme 8 dek. 1899 g.). [The sobriety movement in Russia (the report of the Commission on the issue of alcoholism, December 8, 1899)]. SPb., 1900. 32 p. [in Russian]

[Kragh, Hedlund, 2015](#) – *Kragh M., Hedlund S.* Researching Soviet Archives: An Introduction / The Russian Review. 2015. T. 34. № 3. С. 373-376.

[Lebedev, 1898](#) – *Lebedev V.A.* Piteinoe delo. [Drinking issue], Saint Petersburg, Government Senate Press. SPb.: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 1898. 106 p. [in Russian]

[Lemon, 2009](#) – *Lemon A.* The emotional Lives of Moscow Things. Russian History. 2009. T. 36. № 2. С. 201-218.

[Nastol'naya kniga, 1894](#) – *Nastol'naya kniga zemskogo nachal'nika i volostnogo pravleniya.* [Handbook of district council chief and volost administration]. Compiled by N.G. Yanovskii. Romny: Tip. Br. E. i N. Del'berg, 1894. S. 136. 140 p. [in Russian]

[Piteinyi vopros, 1885](#) – Piteinyi vopros [Drinking issue], Russian Bulletin // Russkii Vestnik. T. 180. 1885. Noyabr' / Dekabr' pp. 1114-1130. [in Russian]

[Polozhenie, 1881](#) – Polozhenie nashei piteinoi trgovli; neobkhodimost' korennoi peremeny v ee ustroistve [The state of our drinking trade; the need for fundamental changes in its structure], Bulletin of Europe // Vestnik Evropy. G. 16 .1881. T. 5. Kn. 9/10. Sentyabr' / Oktyabr'. pp. 348-353. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [in Russian]

[Sbornik statei, 1876](#) – Sbornik statei zakona i pravitel'stvennykh rasporyazhenii, kasayushchikhsya nablyudeniya politsii za ispolneniem pravil piteinoi trgovli [Collection of articles and governmental orders relating to police surveillance over the implementation of drinking trade rules] / Pod red. Bykova N.P. Kaluga: tip. Gub. pravl., 1876. 97 p. [in Russian]

[Svedeniya, 1885](#) – Svedeniya ob otkrytii piteinykh zavedenii piteinyimi prisutstviyami i sel'skimi obshchestvami na 1885/1886 gg. [Information about opening drinking establishments by local authorities and rural societies in 1885/1886.], Bulletin of Finance, Industry and Trade // Vestnik Finansov, Promyshlennosti i Torgovli. 1885. Dekabr'. pp.42-56. [in Russian]

[Khramtsov, 2014](#) – *Khramtsov A.B.* Gorodskie vlasti i politsiya Tobol'skoi gubernii v dele organizatsii mestnoi trgovli v kontse XIX – nachale XX veka [The city authorities and the police of Tobolsk province in the organization of local commerce in the late XIX – early XX century], Bulletin of Nizhnevartovsk State University // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. Nr4. pp. 36-42. [in Russian]

УДК 93/94 + 347.73

Общественный контроль виноторговли в России (1863–1894 гг.)

Наталья Евгеньевна Горюшкина ^{a, *}, Игорь Борисович Русаков ^a

^a Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет государственные инициативы, направленные на включение общественных институтов в процесс регулирования свободным оборотом алкоголя, и результаты их применения. Отмечается, что общество, несмотря на правительственные планы, не справилось с функцией регулятора виноторговли и не смогло нивелировать отрицательные последствия алкогольной либерализации. Продолжившийся поиск оптимального способа общественного администрирования виноторговли привел законодателя к учреждению в середине 1880-х гг. губернских и уездных по питейным делам присутствий. Авторы на основе широкого круга архивных источников демонстрируют, что питейные присутствия одних губерний прибегли к жесткой регламентации числа питейных заведений, других – игнорировали представленные права. Сделан вывод, что действенной системы общественного контроля в акцизный период создать так и не удалось. При переходе к казенной винной монополии трезвенные силы общества были аккумулированы попечительствами о народной трезвости.

Ключевые слова: винная реформа, свободный оборот алкоголя, виноторговля, общественный контроль, сельский сход, городская дума, питейное присутствие, разрешительный приговор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: goro46@yandex.ru (Н.Е. Горюшкина), rus-igo@mail.ru (И.Б. Русаков)